

Александр Валентинович Амфитеатров

После лондонского конгресса

Александр Амфитеатров

После лондонского конгресса

«Public Domain»

1899

Амфитеатров А. В.

После лондонского конгресса / А. В. Амфитеатров —
«Public Domain», 1899

«Лондонский конгресс для изыскания мер борьбы против торговли белыми невольницами торжественно провалился. Впрочем, даже и не торжественно. Он просто «не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней». Спрятался куда-то – в самый петитный уголок газет – и измер в нем тихою смертью. Похоронили его по шестому разряду и почти без некрологов. Конгресс оказался покойником зауряд, каких отпущено по двенадцати на дюжину...»

© Амфитеатров А. В., 1899

© Public Domain, 1899

Александр Амфитеатров

После лондонского конгресса

Лондонский конгресс для изыскания мер борьбы против торговли белыми невольниками торжественно провалился. Впрочем, даже и не торжественно. Он просто «не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней». Спрятался куда-то – в самый петитный уголок газет – и измер в нем тихой смертью. Похоронили его по шестому разряду и почти без некрологов. Конгресс оказался покойником зауряд, каких отпущено по двенадцати на дюжину: ни в чем ни в дурном, ни в хорошем не замечен; ни в кампаниях не участвовал, ни под судом и следствием не состоял; ни орденскими знаками отличаем не был, ни выговоров и взысканий по службе не получал. Просто – потоптался на земле, покоптил небо и исчез. И так незаметно исчез, что даже и следов по себе не оставил. И, когда человечество, устами газет, спохватилось:

– Позвольте! куда же, однако, девался конгресс?

Многие, с изумлением, широко открывали глаза и возражали:

– А разве был конгресс?

А между тем от конгресса многого ждали, и, по идее, он стоил, чтобы ждали. Нет государства сколько-нибудь культурного, нет христианской страны, где вопрос о продаже женщин с целями разврата не стоял бы на очереди, как потребность насущно необходимая, как язва общественного строя, вопиющая о немедленном излечении. И нет государства, нет христианской страны, где бы хоть кто-нибудь, кроме завзятых идеалистов, сентиментальных Эрастов Чертополоховых, аркадских пастушков социологии, искренно верил в возможность подобного излечения. Борьба с проституцией – одно из тех хороших слов, которые надо время от времени провозглашать во всеуслышание, дабы не «засохла нива жизни», но от которых – по пословице русской – «не станется». Этим знаменем, красиво веющим по ветру, много и часто машут, призывая к бою, но никто почти за ним не идет в бой, и никто не бывает за него убит, ни даже ранен. Если проследить историю общественных мер против пороков и бедствий, мы – опять-таки всегда и повсеместно – увидим, что меры против проституции, из всех других, самые неуверенные, изменчивые, колеблющиеся, неудачные. Это меры одинаково бесплодные и в крайней суровости, и в снисходительном поущении. Где существует последнее, с невероятной быстротой развивается проституция открытая; где применяется первая, с еще вяжущею быстротой растут проституция тайная и домашний разврат. Проституция – наследие первородного греха, неразрывного с самою природою человеческою. Борьба с проституцией – христианский завет, – почти исключительно христианский, что и понятно. Лишь общества, признающие половое чувство греховным и губительным для человечества, полагающие борьбу с грехом этим необходимою опорою нравственности, а возможность полной победы над ним ставящие краеугольным камнем своих религиозных упований, – лишь такие общества могли исторически преследовать и, действительно, преследовали проституцию. Общества, не озаренные светом возвышенных духовных начал, с нею мирились, ей даже покровительствовали, а, в лучшем исходе, если и искореняли ее в своей среде, то – путем компромисса, вряд ли более нравственного, чем самая проституция: чрез дозволенное и узаконенное многоженство или наложничество. Чем более владеет обществом религия тела, тем больше власти и мощи имеет над тем обществом и веком проституция. Чем сильнее развивается в нем религия духа, тем меньше терпимости к проституции, тем ярче ей противодействие. То общество, которое, действительно, победит первородный грех, – конечно, освободится и от проституции. Мыслимо ли такое общество, побеждающее царство вавилонской блудницы и зверя не только в мечтательном идеале возвышенных и

вдохновенных умов, но и в житейской наглядности? Не знаю. В прошлом его не было, нет его и сейчас.

Провозгласив целомудрие высшим нравственным идеалом, христианство воюет с проституцией девятнадцать веков, но все еще далеко до победы. Более того: чем дольше и упорнее война, тем она становится сомнительнее и даже порою представляется безнадежной. Чем чаще и громче заявляет о себе потребность упразднить проституцию, тем яснее и наглее подчеркивает эта последняя свою полнейшую неистребимость. Это – Лернейская гидра. Когда ей отрубают одну голову, у неё немедленно вырастают две новые, гораздо опаснейшие прежней. Говорят, что один в поле не воин. Между тем, в войне против проституции, у современного общества – именно лишь один, истинно могучий меч: нравственный идеал, вещаемый евангельским словом. За проституцию же подняты десятки оружий, не только явных, но и потаенных, не смеющих часто не только назвать себя, но даже подать голос о существовании своем, и все же существующих и вредно действующих; десятки пороков, низменных и презренных, но тесно родственных натуре человеческой, – тем животным проявлениям её, что привились нам вместе с ядом яблока Евы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.